

Воспоминание о художнике Глазунове, который еще не рисовал "патриотов" с Евангелием и ружьем

В Манеже среди гигантских глазуновских картин расхаживает публика и в меру своей эрудиции комментирует: это, говорит, святые угодники. Это династия Романовых начиная с Михаила Романова. А это писатель Солоухин. В середине – Троцкий, Свердлов, рядом – не то Урицкий, не то Володарский. А это вовсе кинорежиссер Говорухин. И, разумеется, Кобзон.

От такого разнообразия персонажей обалдеваешь. И вспоминается известная реклама TV: принц целует спящую красавицу. Та глаза открывает и спрашивает: "Это сон?" А он ей в ответ: "Нет, это не сон, это – Ленинский, 101". В смысле – мебельный магазин!

Вспомнив рекламу, я успокоилась. Действительно – не "сон", а обыкновенный комикс, то есть элементарный набор картинок, вбивающих в голову зрителям довольно тривиальную идею. Можно назвать это также интеллигентней – коллаж! Вот, дескать, цари-батюшки, а вот – большевики проклятые. У одних лица, а у других-некоторых не лица, а морды. Ленин еще ничего, Сталин – тоже на уровне. А Берия с Троцким ну прямо вурдалаки.

Из "комиксов" – много старых. Но гвоздь нынешней выставки – опять же гигантское полотно произведения 1994 года – и называется оно: "Россия, проснись" или наоборот "Проснись, Россия". Тут уж, как говорила моя старая нянька, "коНпозиция". В середине – худощавый мужчина во всю картину, почему-то голый до пояса. Штаны держатся на ремне с пряжкой. А на пряжке надпись: "С нами Бог". Рядом с ним вполне одетая девица.

Отчего мужик без рубашки – дело хозяйское, а вот девица и безрубашечник с огнестрельным оружием – это уже явный намек! Мол, пора. В правом углу старуха с внуками – русская семья, опутанная канатами. И соответствующая надпись – продается за тысячу американских долларов. Сильное впечатление! Так и кажется: погрузят сейчас этих бедолаг и отправят на галерею прямо в США. В общем – продали Русь.

Окончание на 2-й стр.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
6. VII. 94 N27 (5507)

2

Воспоминание о художнике Глазунове...

Окончание. Начало на 1-й стр.

Да, совсем забыла: человек с ружьем другой рукой поднимает Евангелие. И лицо у него такое злобное, словно он сначала всех перекусает, а потом уж перебьет.

Кроме этого гвоздя программы, есть еще несколько картин, тоже помеченных 1994 годом. Остановимся только на одной под названием "Христос воинствующий". Христос, правда, без автомата, но мечет молнии в красную (кровавую, что ли?) землЮ. Кошмар и ужас.

Посетители это в книге отзывов не оставили без внимания: "Почему от Ваших работ вонет могилкой?.. Хочется повеситься... Или: "Картины вызывают злобу к ближним...". Или: "Это мы уже проходили" – подражывается гражданская война.

Но довольно о картинах. Я не искусствед, а обычная пенсионерка. И хорошо помню первую выставку Глазунова в конце пятидесятых. Публика тогда была самая свободомыслящая. И восхищалась – "какой смелый, поглядите – иллюстра-

ции к Достоевскому", в ту пору фактически запрещенному! Портрет Товстоногова – тоже смело. А главное, не вожди, а простые юные лица. И не по Красной площади идут с винтовками или знаменами... Ну прямо диссидент! Хотя слова такого, по-моему, еще не знали.

Итак, на первой глазуновской выставке в Центральном доме работников искусств все казалось ясным – молодой талант, бедный, гонимый, был наконец-то донесен до "тубулки титаническими усилиями Прогресса!

Но через несколько лет пошли чудеса. Стал этот почти диссидент чем-то вроде придворного живописца – писал в основном послов и послых (сама видела шикарный портрет супруги посла ФРГ в Москве Замма в его кабинете). Но это было только начало. По слухам и газетным сообщениям, наш диссидент превратился как бы в посланника русского портретного искусства в Европе. В те далекие времена опальный художник с загранпаспортом, то есть "выездной", выглядел, как кошка с рогами. И вот, слы-

шим, Глазунов то коронованную особу изобразит, то какую-то там иностранную кинозвезду. Не брезговал он тогда, кажется, и БАМом, и Нурековской ГЭС. Но больше обитал "за бугром", где, видимо, получал гонорар в долларах, которые с таким презрением сейчас клеймит на своих полотнах.

При этом художник продолжал "чудить": Вдруг в одном углу гигантской картины написал Солженицына. Картину сняли, выставку закрыли (на Кузнецком мосту), а потом, глядишь, другую выставку устроили, уже в Манеже. И еще странность – картина с Солженицыным запрещена, а ее все видели. И это в то время, когда за чтение писателя можно было угодить на Колыму, но уж никак не в Манеж.

А сегодня он кто? Говорят и пишут, что "Проснись, Россия!" – это пропаганда фашизма. А по-моему, просто непотребство. Из христианина с Евангелием в руке сделать баркашова – идеяка столь же свежая, сколь и безнравственная.

Людмила ЧЕРНАЯ

елет. газ. - 1994 - 6 июля - с 1-2